

Николай Середа

**Слово Бога или
человека? Как
решали, что считать
Его словом**

18+

Николай Середа

**Слово Бога или человека? Как
решали, что считать Его словом**

«Автор»

2026

Середа Н. В.

Слово Бога или человека? Как решали, что считать Его словом /
Н. В. Середа — «Автор», 2026

Эта книга — для тех, кто вырос внутри традиции и начал задавать вопросы, но боится задавать их вслух. Для тех, кто стоит на пороге: вера, в которой вы выросли, больше не вмещает ваших вопросов, но уйти из неё страшно — потому что вместе с верой уйдёт мир. Эта книга не требует выбирать между буквализмом и атеизмом. Она показывает третий путь: честный взгляд на то, как формировались священные тексты, — и богословские модели, которые с этим взглядом совместимы. Книга не утверждает, что Бога нет. Она не утверждает, что христианство или ислам ложны. Она утверждает одно: теория готового, продиктованного, неизменного текста, спустившегося с неба в переплёте, не выдерживает исторической проверки. Между Богом и текстом, который вы держите в руках, стоит цепь людей, принимавших решения: что включить, что исключить, что исправить, что сжечь. Это скромный тезис. Но у него есть последствия.

© Середа Н. В., 2026

© Автор, 2026

Николай Середа

Слово Бога или человека? Как решали, что считать Его словом

Слово Бога или человека?

Как решали, что считать Его словом

Введение. Границы разговора

Эта книга — не против Бога. Она против посредников.

Но прежде чем читатель перевернёт страницу, нужно договориться о границах. Иначе разговор пойдёт не о том, о чём я его задумывал.

Чего эта книга не утверждает. Она не утверждает, что Бога нет. Я верю в Создателя — в Того, кто устроил этот мир так тонко, что мы до сих пор не понимаем до конца, как он держится. Она не утверждает, что христианство или ислам ложны. Она не утверждает, что верующие глупы или нечестны. Она не утверждает, что в Библии и Коране нет ничего ценного, глубокого и даже боговдохновенного — в каком-то смысле, о котором пойдёт речь в главе 18.

Что она утверждает. Она утверждает одно, и только одно: теория готового, продиктованного, неизменного текста, спустившегося с неба в переплёте, не выдерживает исторической проверки. Между Богом и текстом, который вы держите в руках, стоит цепь людей, принимавших решения: что включить, что исключить, что исправить, что сжечь.

Это скромный тезис. Но у него есть последствия. Если текст прошёл через человеческие руки, вопрос «что именно в нём от Бога, а что от людей» нельзя закрыть ссылкой на сам текст. Его нужно задавать заново — исторически, филологически, богословски. Эта книга — приглашение к такому разговору, а не приговор.

Кому она адресована. Прежде всего — тем, кто вырос внутри традиции и начал задавать вопросы, но боится задавать их вслух. Тем, кто стоит на пороге: вера, в которой вы выросли, больше не вмещает ваших вопросов, но уйти из неё страшно — потому что вместе с верой уйдёт мир. Эта книга написана для вас. Она не требует от вас ни немедленного выбора, ни разрыва. Она предлагает язык, на котором можно думать, не закрывая глаза на факты и не отказываясь от веры.

Вторичная аудитория — те, кто стоит вне традиции и хочет понять, о чём вообще спор, без карикатур. И те, кто уже ушёл, но хочет разобраться, что именно он оставил и что из этого стоило бы сохранить.

О дисбалансе. Эта книга задумана как разговор о двух традициях — христианской и исламской. Но я обязан сказать честно: христианский материал разобран подробнее. По христианскому канону и текстологии существует корпус исследований, доступных и проверяемых; по раннему исламу многие ключевые вопросы остаются предметом незакрытого научного спора. Я указываю статус каждого утверждения: традиционное сообщение (Т), академическая реконструкция (Г), богословская позиция (Б). Эта оговорка — не отговорка, а честное указание на границы моей компетенции. Исламский блок в этом издании расширен — но он не станет зеркальным отражением христианского, и я не буду делать вид, что это так.

Пять маркеров

Я различаю пять типов утверждений. Шкала строгая, и я обязуюсь её соблюдать.

Маркеры: (Ф) — факт; (Ф/Г) — факт с интерпретацией; (Г) — гипотеза; (Т) — традиционное сообщение; (Б) — богословская интерпретация.

В главах 1–17 маркеры используются строго. В главе 18 и далее, где речь идёт о богословских моделях, я перехожу в богословский регистр и предупреждаю об этом заранее.

Запрет на генетическую ошибку

Происхождение текста и его истинность — разные вопросы. Тот факт, что текст был написан человеком, отредактирован общиной, канонизирован собором или халифом, сам по себе не решает вопроса о том, есть ли в нём божественное содержание. И наоборот: ссылка на боговдохновенность не отменяет исторического анализа того, как текст возник.

Это различие я называю **запретом на генетическую ошибку**. Ошибка состоит в переходе: «текст возник исторически → значит, он не от Бога» или «текст боговдохновенен → значит, его историю изучать не нужно». Оба перехода незаконны. Первый превращает историю в метафизический приговор, второй — веру в запрет на знание.

Структура книги такова: сначала я показываю происхождение (главы 3–17), затем — богословские модели, которые с этим происхождением совместимы (глава 18), и только потом — практические выводы (глава 19).

Глава 1. С чего я начинаю

Я верю в Бога. Не в того, о котором спорят церкви и мечети, а в Создателя — в Того, кто устроил этот мир так тонко, что мы до сих пор не понимаем до конца, как он держится. Физические константы подогнаны с точностью, при которой малейшее отклонение — и не было бы ни звёзд, ни планет, ни нас. Живая клетка устроена так сложно, что никто не смог собрать её с нуля.

Я верю в Творца. И именно поэтому я не верю, что Библия и Коран — это Его слова, записанные под диктовку. Между Богом, который создал вселенную, и текстами, которые читают в церквях и мечетях, стоит слишком много людей. Людей с интересами, страхами и властью.

Эта книга — не против Бога. Она против тех, кто говорит от Его имени так, будто у них есть монополия на этот голос.

Но здесь есть ловушка, в которую легко попасть. Критикуя посредников, легко самому стать посредником — человеком, который объявляет свой вывод окончательным и отказывается слушать другую сторону. Поэтому я сразу ввожу пять маркеров и обязуюсь ими пользоваться. И ещё одно: в главе 2 я сразу дам карту сильнейших богословских ответов на историческую критику — чтобы читатель с самого начала знал, где именно пройдёт линия спора. А в главе 18 я разберу богословские модели, которые с этими фактами совместимы. Иначе книга будет бить по соломенному чучелу.

Глава 2. Карта возражений

Прежде чем показывать, как формировались тексты, нужно сразу выложить на стол сильнейшие ответы тех, кто читает те же факты иначе.

Ответ первый: «Бог не диктовал текст» (Б). Самая слабая теория боговдохновенности — это теория диктовки. Историческая критика легко показывает, что текст менялся, редактировался и носил следы человеческих интересов. Но многие богословы эту теорию и не защищают. Современное католическое богословие (конституция II Ватиканского собора *Dei Verbum*, 1965) говорит о безошибочности Писания «в деле спасения», признавая «человеческую ограниченность земных авторов» (Б). Православные богословы на конгрессе в Афинах (1936) называли механически-буквальное понимание боговдохновенности уклонением в «монофизитство» и предлагали понимать Писание как Богочеловеческий документ (Б) [см.: Сове Б. И. Тезисы..., Афины, ноябрь 1936; пересказ у Александра Меня].

Сильнейшее возражение. Граница между «делом спасения» и «остальным» проведена не всегда ясно. Критик вправе спросить: не является ли она подвижной? Если «безошибочность в

деле спасения» означает всего лишь «безошибочность в том, что касается спасения», а содержание спасения определяется церковью, модель рискует стать тавтологией.

Ответ второй: «Канон — тоже часть Промысла» (Б). Да, люди решали, какие книги войдут в Библию. Но богословы отвечают: церковь не «создала» канон, а распознала его. В этом процессе действовал Дух — не как диктовка, а как водительство общины (Б).

Сильнейшее возражение. «Распознавание» удивительно совпадало с интересами власти. Если Дух водил общиной, почему результат так точно совпал с тем, что было выгодно победившей партии? Кроме того, разные общины «распознали» разные каноны — и этот факт требует объяснения, которое теологическая модель «водительства» не даёт.

Ответ третий: «Вы читаете Библию как учебник» (Б). Библейские авторы, отвечают богословы, не ставили цели быть точными в науке. Они писали в жанрах своей эпохи: притчи, поэзии, пророчества. Требовать от Книги Бытия точности учебника астрофизики — значит путать жанры (Б).

Сильнейшее возражение. Жанровый аргумент силён, но он не решает всех проблем. Он объясняет, почему в Библии нет точной космологии, но не объясняет, почему в ней есть предписания, которые в свою эпоху были обычными, а сегодня воспринимаются как морально неприемлемые — например, правила о рабах. Если это «жанр эпохи», то почему он обязателен для всех последующих эпох?

Исламский блок (Б). Для ислама вопрос стоит острее, потому что классическая доктрина настаивает на несотворённости и неизменности Корана. Часть апологетов отвергает саму методологию исторической критики как основанную на секулярной предпосылке. Другая линия — реформистская — не отрицает историчность текста, но перечитывает его этически (Г/Б).

Сильнейшее возражение. Реформистская линия сталкивается с той же проблемой, что и христианский либерализм: если классические толкования были «искажением», то на каком основании мы выбираем именно те чтения, которые соответствуют современным этическим представлениям? Не превращается ли «этическая траектория» в проекцию наших собственных ценностей на текст?

Зачем эта карта в начале. Потому что дальше я буду показывать, как формировались тексты. И читатель должен с самого начала понимать: эти факты не «убивают веру» автоматически. Они убивают одну теорию веры — теорию готового, продиктованного, неизменного текста. Что остаётся после этого — вопрос богословский, и ему посвящена глава 18.

Часть I. Как рождается текст

Глава 3. Рождение пророка

Человек выходит на площадь и говорит, что слышит Бога. Сначала его никто не слушает. Потом слушают из любопытства. Потом — потому что он говорит то, что люди и так чувствуют, но боятся произнести вслух. Так рождается пророк: не в момент откровения, а в момент, когда толпа узнаёт в его словах себя.

Это не историческое утверждение, а социологическая модель (Г). Она описывает не каждый случай, а повторяющийся механизм. И у этого механизма есть вторая сторона: пророк нужен не только толпе. Он нужен власти.

Три стадии: инструмент, угроза, враг (Г). Власть замечает человека, у которого есть дар говорить с людьми. Пока он говорит о небесном, люди меньше думают о земном — он полезен. Потом его слова начинают менять поведение людей: они перестают платить, перестают подчиняться, перестают бояться. Власть видит: этот человек больше не управляем. И делает выбор, который кажется ей рациональным: убрать. Но именно здесь власть часто совершает ошибку, которую не понимает до конца: убитый пророк сильнее живого.

Исторические иллюстрации.

Иоанн Креститель (Ф/Г). Иосиф Флавий сообщает, что Иоанн был казнён Иродом Антипой. Причина, по Флавию, — не только личный конфликт, но и страх, что популярность Иоанна соберёт народ и приведёт к мятежу. Христианские Евангелия дают богословскую интерпретацию этих событий (Б), но сам факт казни и политического беспокойства вокруг Иоанна имеет внехристианское свидетельство (Ф).

«Египтянин» и Февда (Ф/Г). Иосиф Флавий и Деяния Апостолов упоминают пророков, которые собирали толпы в пустыне и обещали знамения. Римская власть реагировала на них как на потенциальные мятежи. Это показывает, что в I веке в Палестине существовал устойчивый репертуар: харизматический лидер, толпа, обещание освобождения, репрессия.

Иисус (Г/Б). Ричард Хорсли показывает: Иисус был вовлечён в конфликтную политику Палестины не как философ, а как пророк, провозглашавший Божий суд над правителями Иерусалима и их римскими покровителями. Его конфликт с властью не был недоразумением — он был структурным (Г) [Horsley 1987]. Крест в этой реконструкции — не «ошибка толпы», а предсказуемый римский ответ на пророка, который создавал альтернативную социальную реальность.

Что здесь факт, а что гипотеза. То, что Иоанн был казнён и что его популярность беспокоила власть, — (Ф) с высокой степенью вероятности. То, что Иисус был казнён римлянами по обвинению, имевшему политический характер, — (Ф) с высокой степенью вероятности. То, что его движение воспринималось властью как угроза, — (Г), но гипотеза сильная. То, что каждый пророк проходил именно эти три стадии, — (Г) средней силы: модель описывает повторяющийся паттерн, а не железный закон.

И главное: эта модель не отменяет богословского вопроса о том, был ли в этих событиях Бог. Она описывает человеческую механику. Вопрос о том, действовал ли Бог через эту механику, остаётся открытым — и относится уже к области (Б).

Глава 4. Канон Библии

В церкви вам скажут: «Это слово Бога». Но слово Бога не спускается с неба в переплетённом виде. Оно проходит через руки людей: переписчиков, редакторов, соборов.

Сегодня протестантская Библия содержит 66 книг, католическая — 73, православная — больше. Разные числа — потому что в разное время разные люди принимали разные решения (Ф).

В первые века христианства единого списка священных книг не существовало. Были споры: включать ли Послание к Евреям, Откровение Иоанна, второе послание Петра. Даже «Пастырь Ерма» в некоторых общинах считался почти каноническим (Ф).

Ситуация изменилась, когда церковь стала государственной религией. В IV веке император Константин заказал Евсевию Кесарийскому изготовить 50 копий священных книг для церквей Константинополя. Это был административный заказ: нужно было единообразие (Ф). Решающий шаг сделал Афанасий Великий: в 367 году в 39-м пасхальном послании он впервые чётко зафиксировал нынешний состав Нового Завета из 27 книг (Ф).

С канонем Ветхого Завета история нагляднее. Когда в XVI веке протестанты решили вернуться к более узкому иудейскому канону, отбросив часть книг, католическая церковь ответила Тридентским собором (1546). Этот собор жёстко зафиксировал список из 73 книг (Ф). То есть решение о том, что считать словом Бога, принималось в полемике, в ответ на действия другой стороны.

Логика процесса. Сначала люди решают, какие книги считать священными. Потом объявляют, что священные книги были всегда, а остальные — «отречённые». Исторически всё

наоборот: сначала был спор, потом — решение, потом — объявление решения «изначальной истиной» (Ф/Г).

Что это значит — а что нет. Если канон — это решение людей, это не значит, что в текстах нет ничего ценного. Это не значит, что Бог не существует. Это значит другое: между Богом и книгой, которую вы держите в руках, стоит цепь людей, принимавших решения. Но это не означает автоматически, что текст не может быть «словом Бога» в каком-то другом смысле. Об этом смысле — в главе 18.

Глава 5. Канон Корана

В исламской традиции Коран считается несотворённым и неизменным (Б). Исторически текст был стабилизирован политическим решением. При халифе Усмани (VII век) существовали разные списки Корана, и расхождения в чтении вызывали конфликты. Согласно традиционному сообщению, Усман приказал собрать эталонный текст, разослать копии в провинции, а остальные рукописи — сжечь (Т).

Статус источника. Это сообщение дошло до нас в сборниках, созданных спустя более чем столетие после описываемых событий. Для христианских текстов у нас есть рукописи, современные или близкие к событиям; для раннего ислама таких синхронных документов почти нет. Поэтому мы не можем проверить, как именно проходила редакция Усмана, — мы можем лишь зафиксировать, что традиция описывает её как административный акт с применением принуждения (Т/Г).

Даже в традиции сохранилось имя несогласного — Ибн Мас'уда. По сообщениям традиции, в его свитке не было первой суры и двух последних. У другого сподвижника, Убайи ибн Ка'ба, сур было больше — по традиции, 116 (Т) [см.: сообщения о кодексе Убайи, включавшем дополнительные суры «аль-Хафд» и «аль-Халь'»; атрибуция традиционная, независимого документа нет]. Это традиционные сообщения, а не сохранившиеся документы. Но они показывают: люди спорили о самом составе Книги. И решение принял не Бог, а халиф с административным аппаратом (Ф/Г).

Обновление: что говорят современные исследования

Санайский палимпсест. Радиоуглеродный анализ пергамента нижнего слоя с высокой вероятностью датирует его временем между 632 и 669 годами; часть повторных тестов дала результаты, которые Франсуа Дерош называл неприемлемыми, и поэтому датировка остаётся интервалом, а не точкой (Ф/Г) [Déroche 2016; Sadeghi, Goudarzi 2010]. Нижний текст содержит иной порядок сур, добавления и пропуски слов, синонимические замены и даже случай с чтением басмалы — то есть расхождения со стандартным раском значительно серьёзнее, чем в верхнем слое. Асма Хилали, опубликовавшая монографию о памятнике в 2017 году, не считает нижний слой «Кораном» в строгом смысле, а предполагает, что он мог быть записью для личного использования переписчика или даже учебным упражнением; консенсуса по этому вопросу нет [Hilali 2017].

Бирмингемская рукопись. В 2015 году в библиотеке Бирмингемского университета были обнаружены два листа пергамента с фрагментами сур 18–20. Радиоуглеродный анализ датировал пергамен с вероятностью 95,4% периодом между 568 и 645 годами (Ф/Г). Это одна из древнейших известных рукописей Корана. Важная оговорка: датировка пергамента не равна датировке текста — пергамен мог быть изготовлен задолго до записи. Тем не менее рукопись показывает, что текст Корана существовал в письменной форме очень рано, ещё при жизни или вскоре после смерти Мухаммада (Ф/Г) [см.: Déroche 2014; обзор в: Sinai 2017].

Текстуальная стабильность. Бехнам Садеги и Мохсен Гударзи подчёркивают: датировка рукописи и датировка текста — разные вопросы. Их анализ показывает, что формирование сур (глав) началось раньше эпохи Усмана, а передача текста на раннем этапе включала

полуустный компонент — запись слышимого от пророка [Sadeghi, Goudarzi 2010]. Их реконструкция предполагает, что текст стабилизировался постепенно, а не был зафиксирован моментно.

Радикальная ревизия. Стивен Шумейкер в книге *Creating the Qur'an* (2022) утверждает, что ни один рассказ исламской традиции о формировании текста не имеет аттестации очевидца, и на основании радиоуглеродных данных, истории арабского языка и исследований памяти заключает, что канонический текст Корана, вероятнее всего, был создан около рубежа VIII века. Эта гипотеза остаётся предметом активного спора [Shoemaker 2022]. Критики указывают на то, что радиоуглеродные данные не так однозначны, как представляет Шумейкер, а ранние рукописи (в том числе Бирмингемская) плохо совместимы с его датировкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.